

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 375

8 AOUT 1952

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

8-ой ГОД ИЗДАНИЯ
Н а ш л е т н е А н н е е

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

40 frs

ОСНОВАТЕЛЬ А. Ф. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2° Tél.: CEN. 44-27.

Fondateur A. Stoupnitzky

Ранняя любовь Чехова

СРЕДИ воспоминаний о Чехове, изданных недавно в Москве в серии «Литературных мемуаров»^{*}, имеются воспоминания («А. П. Чехов в моей жизни») Л. А. Авилловой — писательницы, которая вела с Чеховым обширную переписку. Письма Чехова к ней известны, что же касается ее писем к нему, то они, после смерти Чехова, и по ее просьбе, были ей возвращены и не были опубликованы.

Авиллова была не только пламенной поклонницей Чехова, но очень искренно им увлеклась (как и многие женщины, по свидетельству Вл. Немировича-Данченко); по ее словам, и Чехов ей отвечал тем же. Этот свой «роман» с Чеховым Авиллова изложила в своих воспоминаниях (своего рода повести), которые впервые напечатаны в указанном сборнике. Они представляют исключительный интерес: конечно, признания и суждения автора субъективны, но многие положения его подтверждаются письмами самого Чехова.

••

Первое знакомство Авилловой с Чеховым относится к 1889 г. Она встретила с ним у своей сестры, бывшей замужем за Худековым —

^{*} «Чехов в воспоминаниях современников», Гослитизд, М. 1952. Под изд. «Дома Книги».

редактором — издателем «Петербургской Газеты», в которой несколько лет сотрудничал Чехов. К этому времени Авиллова была уже замужем, имела ребенка, но, по ее откровенным признаниям, несколько тяготилась деспотическим мужем, который ревновал жену к ее писательским занятиям. А у нее «весь день уходил на мелочи», пишет она:

«Я должна была идти за покупками и брать припасы именно там, где назначал Миша: кофе на Морской, сметану на Садовой, табак на Невском, сыр на Моховой и т. д. И должна была делать соус к жаркому сама, а не поручать это дело кухарке; я должна была набить папиросы. И еще главной заботой моей жизни были двери. Двери должны были быть плотно закрыты весь день, чтобы из кухни не проникал чад, и настежь открыты вечером, чтобы воздух сохранялся».

Словом, молодой писательнице «прищипили хвост» — хозяйство, дети...

С первой же встречи Чехов очаровал Авиллову, — особенно после того, как стал ее учить писательскому ремеслу; как известно, советы его в этом отношении были всегда и новы, и очень практичны. После трех лет знакомства Авиллова и Чехов встретились на юбилее «Петербургской Газеты». Они уехали рядом и стали весело балагурить. Чехов, фантазируя, говорил о «чувстве давней близости».

— Мы любим друг — друга. Как вы думаете? Мы были молоды. И мы погибли... при кораблекрушении.

Потом Чехов спросил неожиданно:

— Сколько вам лет?

— Двадцать восемь.

— А мне тридцать два. Когда мы познакомились, нам было на три года меньше: двадцать пять и двадцать девять. Как мы были молоды!

Эта невинная болтовня весьма не понравилась мужу Авилловой, который, придя домой, устроил жене сцену. Потом кто-то распустил слух, будто в тот же вечер Чехов в ресторане был пьян и говорил, что решил во что бы то ни стало увести Авиллову, добиться развода и жениться... Чехов в письме к Авилловой писал, что «его достоинство не позволяет ему оправдываться. Защищаться от сплетен... бесполезно» и вообще просил «не верить всему тому дурному, что говорят о людях в Петербурге».

•

С тех пор началась переписка между Авилловой и Чеховым, хотя писать приходилось тайком, много и не часто, потому что неизбежно дети хворали то врозь, то все вместе. Муж, все же, знал о переписке: «Вообразите, какую ахинею ты ему пишешь», — говорил он.

Как-то, в один из приездов Чехо-

ва в Петербург, Авиллова вновь встретила с ним у своей сестры. Пошла интимная беседа, в которой Авиллова на вопрос, счастлива ли она? — стала говорить о своей жизни, в которой она «боится, чтобы своими порывами к жизни более яркой не повредить семье» и т. д.

— Я отлично понимаю все, — сказал Чехов, — хотя вы и не договариваете. Значит, — опишите вашу жизнь. Напишите накрепко и правдиво. Это нужно. Это необходимо. Вы молоды, вы талантливы. Семья не должна быть самоубийством для вас. Вы дадите ей много больше, чем если вы будете только покоряться и мириться, — Чехов продолжал участливо говорить с молодой дамой, которая делала его поверенным своих тайн. Во время этого разговора сообщили, что Авиллову зовут домой — захворал мальчик. Чехов заблудливо проводил взволнованную собеседницу и трогательно убеждал не беспокоиться: «С детьми это бывает».

И на самом деле, ничего не случилось, — просто, мужу дома стало скучно. «Ты моя благодетельная фея», — сказал он, обнимая жену, — «при тебе я спокоен и знаю, что все в порядке». — А ей вспомнилось, как он «за обедом разбросал по полу все оладьи, потому что, по его мнению, они не были достаточно мягкими и пухлыми — ими только в собак швырять».

— Я уж знала теперь, — пишет Авиллова, — в первый раз, без всякого сомнения, ясно знала, что люблю Антона Павловича.

•

На мислянице были блины у М. А.

Лейкина. Опять встреча с Чеховым, веселым, остроумным, в среде близких писателей. Уезжали гурьбой.

— «Вот так кавалер!», — крикнул Потапенко Чехову, который не сумел устроить свою даму в сани. — «Ну, какой же я кавалер! Я — доктор», ворчал Чехов. — «Послушайте, доктор! Я и так чуть лежалась, а вы еще толкаетесь локтем, и я непременно вылечу». — «У вас скверный характер. Но если бы на мне были густые эпoletы...» Так, весело балагури, они ехали и уговорились на завтра встретиться на квартире Авилловой, — мужа ее не было дома, он был на Кавказе.

И вот настал этот вечер. Она стала ждать его с девяти часов. Приготовила холодный ужин, вино, фрукты. «Сколько необходимо сказать друг другу!». Вначале вечер был испорчен приходом какой-то четы незваных гостей, которые оказались, по словнице, «хуже тарина», но после их ухода они остались одни. Как водится, разговор сначала был на литературные темы, при чем Чехов советовал Авилловой в одном из ее рассказов персонаж Дуину сделать мужичиной, а героя из студента превратить в «чиновника департамента окладных сборов». Потом перешли на более серьезные вещи. И вдруг полились признания Чехова:

— Знаете ли вы, — говорил он, — что я был серьезно увлечен вами? Это было серьезно. Я любил вас. Мне казалось, что нет другой женщины на свете, которую я мог бы так любить. Я вас любил и думал только о вас. И когда я увидел вас после долгой разлуки, мне казалось, что вы еще похорошели и что другая, новая, что опять вас...

до узнавать и любить еще больше по-новому. И, что еще тяжелее расставаться... Я завтра уезжаю в Москву, значит, не увидимся?

«В ушах у меня шумело», — пишет Авиллова, — «в голове вихрем неслись мысли, но ни одной я не могла остановить, схватить, понять. Я с трудом встала и пошла его провожать».

— Так не увидимся? — повторил он.

Я молчала и только вяло пожала ему руку. Мы жили на четвертом этаже. Вся лестница была ярко освещена. Я стояла на площадке и смотрела, как он бежит вниз. На первом повороте я его окликнула: «Антон Павлович!» Он остановился и поднял голову. Подождать и опять побежал. Я ничего не сказала.

На другой день (февр. 1895 г.) Авиллова получила от Чехова книгу его рассказов с «сухой» надписью и письмо, в котором он весьма остроумно разобрал рассказ Авилловой и наставлял на «конкретных примерах, как не надо писать и т. д. Долго в душе Авилловой боролись чувство с логикой; наконец, «все эти разсуждения смело, как вихрем». Она заказала брелок в форме книги. На одной стороне стояло: «Повести и рассказы. Соч. А. Чехова», а на другой: — «Стран. 267, стр. 6 и 7». В указанном месте книги можно прочесть: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее». Чехов получил этот подарок через Гольцева.

После этого переписка прекратилась.

Через год, на масленицу, в теа-

тре Суворина был маскарад. Авиллова была в маске и подошла к Чехову. Завязался обычный маскарадный разговор. Они выбрались из круга и очутились в ложе Суворина. На обычный вопрос: «Скажи, кто я?», Чехов отделиваясь общей болтовней, как будто проговариваясь, что видит перед собой артистку Яворскую и, между прочим, сказал: «Скоро пойдет моя новая пьеса «Чайка». Ты будешь на первом представлении?» — «Буду непременно». — «Будь очень внимательна. Я тебе отвечу со сцены» — сказал Чехов.

Настал долгожданный день — первое представление «Чайки», многократно описанное. Настроение в театре было возбужденное. Вот Нина вышла проститься с Тригорным. Она протянула ему медальон и объяснила: «Я приказала вырезать ваши инициалы, а с этой стороны название вашей книги». «Какой прекрасный подарок», — сказал Тригорин и поцеловал медальон (подарок Авилловой, переданный Чеховым, Комиссаржевской для спектакля). Нина ушла, а Тригорин перевернул медальон и прочел «страничку 121, строки 11 и 12», потом, уже с книгой в руках, прочел: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

Авиллова замерла: ей показалось, что весь зрительный зал, как один человек, обернулся к ней и смотрит ей в лицо. Но цифры — она их запомнила твердо — были другие, чем на ее медальоне. Что это значит? Возвратись домой, она много думала над этим, справки в книгах Чехова ничего не дали. И вдруг, точно молния блеснула в моем сознании: я выбрала строки в

его книге, а он, возможно, в моей? Она взяла свой томик и тут, на указанном месте, прочла: «Молодым девицам бывать в маскарадах не полагается»...

Прошло несколько месяцев. Чехов написал Авилловой, что хочет с ней поведаться, «поужинать или пообедать». Остановился он, как всегда, в Б. Московской, ном. 5. В назначенный день она пришла в гостиницу, но Чехова там не было, и ее ответная записка лежала на подзеркальнике вместе с другими письмами. Это были дни 23-24 мар. 1897), когда у Чехова хлынула горлом кровь, когда он завтракал с Сувориным. Совершенно больной Чехов все же набросал маленькую записочку Авилловой, с изложением своего «преступного *sicilium vitae*» за эти дни и, несмотря на тяжелое свое состояние и возмущение врачей, захотел видеть Авиллову. Она пробыла у него три минуты. Ему запрещено было говорить, и он на записке, в которой просил Авиллову принести ему из «Русской Мысли» корректуру «Мужиков», приписал: «Я вас очень лю... благодарю». «Лю» он зачеркнул и улыбнулся...

Придя домой, Авиллова нашла три телеграммы, зовущие ее «немедленно» домой. С тяжелым чувством пошла она к больному Чехову, которому было еще очень плохо.

— Когда вы едете? — спросил он. — Сегодня.

Чехову, видимо, очень хотелось, чтобы она осталась:

— Оставайтесь еще на один день. Придите ко мне завтра, прошу вас. Я прошу, — говорил он.

Она дала ему все три телеграм-

мы. Он их долго рассматривал. — По-моему, на один день можно. Оставайтесь один день для меня. Для меня, — повторил он.

В голове Авилловой, по ее словам, промелькнула возможность крушения ее «семейного счастья» из-за «лишнего визита продолжительностью в три минуты».

— Значит, нельзя? — сказал Чехов, который, очевидно, «все понимал и все знал». Узнавши, что она уезжает вечером, он все же, спросил нерешительно: «А если бы до вечера...»

Совсем убитая шла домой Авиллова. На Девичьем поле ветретила Л. Н. Толстого, который знал уже о болезни Чехова, но думал, что к нему никого не пускают. «Завтра же пойду его навестить. Я его очень люблю, но не понимаю, зачем он пишет пьесы», — сказал Толстой.

На другой день Чехов написал Авилловой трогательную записочку. Авиллова была охвачена раздвоенным сознанием — своей любви и горечи ее утраты... Но переписка с Чеховым продолжалась довольно интенсивно; его письма были полны писательских советов по-прежнему, но холодны и равнодушны. Но вот в августовской книжке «Русской Мысли» появился рассказ Чехова «О любви», к которому жадно потянулась Авиллова: не о ней ли? Она была права — в рассказе были вкраплены реплики из их разговоров с Чеховым. Авиллова уже не плакала, а рыдала, захлебываясь, читая рассказ.

«Я понял», — говорит герой этого рассказа. — «Что в рассуждени-

ях о любви надо исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в ходячем смысле».

Это уже было прямо в сердце: «Если семья мешала быть счастливым с Антоном Павловичем, то Антон Павлович мешал мне быть счастливой с моей семьей».

Приняв за чистую монету и на свой счет всю сентенцию рассказа, Авиллова написала Чехову «неласковое» письмо с упреками использования в литературе положения живых людей и т. д., на которое Чехов ответил спокойно и вполне корректно. Они продолжали переписываться, но, кажется, только деловыми письмами. Последнее письмо его было за несколько месяцев до смерти. А последнее свидание состоялось 1 мая 1899 г. в Москве, проездом, на вокзале. Она была с детьми, с которыми Чехов был очень ласков. Чехову очень хотелось, чтобы Авиллова осталась посмотреть «Чайку», которую ставили художественники специально для него.

— Мне очень хочется, чтобы вы видели «Чайку» вместе со мной», — говорил Чехов. — Неужели это нельзя как-нибудь устроить?

Но как ни прикидывали, все как-то звалось, что нельзя. Чехов, видимо, был огорчен, что она «во всем с ним не согласна».

— Даже если заболите, не приеду, — сказал он сердито. — Я хороший врач, но я потребовал бы очень дорого... Вам не по средствам... Значит, не увидимся.

Это была, действительно, их последняя встреча.